

ИСТОРИЯ В ЛИЦАХ

НАХИЧЕВАНЬ В ТВОРЧЕСТВЕ ЧЕХОВА

Недавно мне позвонил ростовский историк и писатель Василий Иванович Вареник и сказал, что у него есть сведения о том, что великий писатель Антон Павлович Чехов бывал в Нахичевани.

Я знал, что Антон Павлович дружил с нахичеванским доктором Мартиросом Сергеевичем Дериджановым. Они даже вместе лечились в Крыму. Как мне сказал Вареник, есть сведения о том, что Чехов останавливался в доме у Дериджанова.

Если эти сведения можно отнести к городским легендам, конечно, пока они не подкреплены документально, то о том, что Чехов бывал в Нахичевани, мы можем узнать из его писем.

На сайте «Детские библиотеки города-курорта Кисловодска» вы можете прочитать о том, как писатель в 1896 году приехал в Кавказские Минеральные воды. Более того, в своей записной книжке Антон Павлович написал: «23 августа выехал из Таганрога, Ростов, Нахичевань, в Кисловодск прибыл 24 августа». Далее писатель описывает, где он остановился, как принимал нарзанные ванны. Проникнувшись медицинскими идеями курортного лечения нарзаном, Чехов как врач заинтересовался этой темой и даже планировал серьезно заняться курортологией.

Вы спросите меня, а причем здесь город Нахичевань-на-Дону? Мол, был писатель в этом городке. И что?

Но Чехов не просто бывал проездом в Нахичевани. Он тесно общался с нахичеванскими армянами. И это общение нашло отражение в его рассказе «Либеральный душка».

«Каждый год на святках чернопупские губернские дамы и чиновники губернского правления дают с благотворительной целью любительский спектакль. Прошлогодний спектакль вышел неудачен, так

как распорядительская часть была в руках старшего советника Чушкина, „бурбона“, урезавшего наполовину пьесу и не дававшего воли рассказчикам. В этом же году любительский персонал запротестовал. Выбор пьесы дамы взяли на себя, внешняя же часть и выбор рассказчиков, певцов и распорядителей танцев были поручены чиновнику особых поручений Каскадову, человеку молодому, университетскому и либеральному».

Краткое содержание рассказа таково. Для проведения любительского спектакля Каскадову нужен исполнитель рассказов в антрактах. Выбор падает на Тлетворского, как отзывается о нем стлоначальник Кисляев, «В прошлом годе он, шельма, превосходно рассказывал... Одна рожа чего стоит! Пьет, каналья, но... ведь все таланты пьют!».

Предлагая Тлетворскому подобрать репертуар, Каскадов ни в чем его не ограничивает — «Свобода полная! Полнейшая, батенька! Читайте, что хотите и как хотите! Потому-то я и взял на себя распоряжение, чтобы дать вам свободу! Иначе бы я не согласился... Не стесняйтесь ни выбором, ничем, одним словом! Вы прочтете что-нибудь... расскажете анекдот... стишки, вообще...».

Тут-то и начинаются проблемы с подбором репертуара. Еврейскую тему трогать нельзя. На вечере будет еврейская семья. Медхер хоть и выкост, но неловко. Немецкую тему трогать тоже нежелательно. Будет баронесса фон Риткерт. Русскую тему тем более трогать не следует. Все темы отвергаются. А если взять армянскую тему?

Каскадов сам же отвечает на этот вопрос:

«В прошлом году, например, вы рассказывали, между прочим, анекдот из армянского быта, где, помните, жители Нахичевани

говорят: „Дайте нам ваш кишка, а когда, бог даст, у вас будет пожар, то мы вам два кишка дадим“. Что тут обидного? А ведь обиделись!»

— Страшно обиделись! — подтвердил Кисляев.

— „Знаем, говорят, про какой это он Нахичевань рассказывает!“ А барышни при слове „кишка“ краснели. Разберите вы тут, что прилично и что неприлично! Осторожность и осторожность! Например, хоть русский народный быт взять... горбуновское что-нибудь... Великолепная вещь! Восторг! Но нельзя: его превосходительство находит, что это „издевательство над народом“! Он отчасти прав, но... ужасное время, между нами говоря! Черт знает какое время!».

Заканчивается все тем, что Тлетворского обвиняют в том, что он односторонен.

«Тлетворский покраснел и почесал себе глаз.

— Зачем же вы меня зовете, ежели я безнравственный и односторонний? — проговорил он, поднимаясь и направляясь к двери. — Я не напрашиваюсь.

По уходе Тлетворского Каскадов зашагал.

— Не понимаю я таких людей, Захар Ильич! — заговорил он, ероша свою прическу. — Клянусь богом, не понимаю! Я сам не рутинер, не отсталый... либерал даже и страдаю за свой образ мыслей, но не понимаю я таких крайностей, как этот господин! Я, ну и... жандармский поручик Подлигайлов слышем за вольнодумцев... общество косится на нас... Его превосходительство подозревает меня в сочувствии идеям... И я не отказываюсь от своих убеждений! Я либерал! Но... такие люди, как этот Тлетворский... не понимаю! Тут уж крайность, а крайних людей я, грешный человек, не выношу! Сам я не консерватор, но не выношу! Осуждайте меня, называйте рутинером...

чем хотите, но не могу я протянуть руки господам а la Тлетворский!

Каскадов в изнеможении опустил в кресло и задумался...

— Прогнать, вот и все! — пробормотал Кисляев, прикладывая от нечего делать к манжетке печать. — Прогнать... вот и все!.. вот... и все!»

(Юмористический журнал «Осколки», 1884, — 51, 22 декабря (ценз. разр. 21 декабря), стр. 4—5. Подпись: А. Чехонте. А. П. Чехов. Сочинения в 18 томах // Полное собрание сочинений и писем в 30 томах. — М.: Наука, 1975. — Т. 3. [Рассказы. Юморески. «Драма на охоте»], 1884—1885. — С. 135—138)

С моей точки зрения, гениальный рассказ, который, кстати, еще и говорит о том, что Чехов хорошо знал нахичеванских армян, их быт и нравы.

СЕМЬЯ ГРИГОРИЯ ЧАЛХУШЬЯНА

Григорий Христофорович (Крикор Хачатурович [Хачатурович] Чалхушьян) был видным общественным деятелем, публицистом, юристом, литератором, журналистом-просветителем города Нахичевани. Он был гласным городской Нахичеванской Думы, вице-консулом Армянской Республики на Дону, находился в руководящих структурах ростово-нахичеванских отделений кадетской партии. По сути, он являлся одним из лидеров кадетов России.

Родился Г.Х. Чалхушьян 1 июля 1861 года в Нахичевани-на-Дону в обедневшей дворянской семье. На средства Нахичеванского благотворительного общества одаренный юноша был определен в московский Лазаревский институт восточных языков, который окончил в 1881 году с серебряной медалью. Вернувшись в Нахичевань, наряду с юридической практикой Г.Х. Чалхушьян погрузился в общественную и литературную деятельность. Публиковал очерки, статьи, театральные рецензии. В 1886 году получил первую премию в конкурсе на сочинение об истории Ростова-на-Дону, который был объявлен городской Думой.

Григорий Христофорович Чалхушьян был очень уважаем в армянской среде. С юбилеем творческой, литературной и общественной жизни в октябре 1910 года его поздравил Католикос всех армян. Дело в том, что в Нахичевани тогда широко отмечали 25-летие адвокатской, литературной и общественно-политической деятельности Чалхушьяна.

Более того, нахичеванский голова Минас Ильич Балабанов учредил в Екатеринбургской женской гимназии стипендию имени Г.Х. Чалхушьяна. Подобная же стипендия учреждалась Нахичеванским благотворительным обществом и духовной семинарией. В зале заседаний Нахичеванского благотворительного общества появился портрет Чалхушьяна. Его избрали «вечным почетным членом общества».

Г.Х. Чалхушьян в течение двадцати лет избирался гласным Нахичеванской Думы, где входил во всевозможные комитеты и комиссии. Во многом благо-

Григорий Христофорович Чалхушьян и его семья. Слева направо: Инна (Иискуи) (в последующем Гарсоева) (1893—1978), Изабелла (в последующем Хазагерова) (1895—1978), Григорий Христофорович, Сусанна (1900—1965), Хачатур (1896—1971), Серафим (Серовбе) (1896—1937, расстрелян), Рубен (1886—1939, расстрелян), Степан (1890—1938, расстрелян). За столом сидит Софья Андреевна (в девичестве Титрова), у ее ног сидит Леон (1898—1938, расстрелян).

даря хлопотам Чалхушьяна были установлены памятники М. Налбандяну и Р. Патканяну возле монастыря Сурб Хач. Он был в числе организаторов и руководителей Армянского комитета Нахичевани-на-Дону, помогавшего жертвам Геноцида 1915 года в Османской Турции.

После октябрьской революции 1917 года судьба семьи Чалхушьяна сложилась трагически. В тридцатые годы были репрессированы его сыновья, а затем троих из них расстреляли. Ненадолго пережил своих детей Чалхушьян. Он умер в 1939 году на улице от сердечного приступа.

Несколько лет назад был установлен памятник Г.Х.Чалхушьяну на Армянском кладбище. Это произошло благодаря материальной поддержке члена правления «Нахичеванской-на-Дону армянской общины», известного ростовского предпринимателя Романа Леонидовича Геворкяна.

Хотелось бы более подробно рассказать о судьбе известных потомков Григория Чал-

хушьяна. В.В. Смирнов в книге «Нахичевань-на-Дону» пишет, что старший сын Чалхушьяна Рубен в 1915 году служил генерал-губернатором в армянском городе Карсе, отбитом у турок во время Первой мировой войны (ныне он находится на территории Турции). Младший сын Хачатур тоже воевал в Армении. Он был скрипачом. Но в одном из сражений с турками в 1915 году потерял слух.

У Чалхушьяна были еще сыновья Серафим, Леон (Лион) и Степан. Серафим был экономистом, а Лион и Степан — юристами. Сыновья Чалхушьяна были арестованы в 1937 году.

Поводы для арестов оказались самые разные. Так, Леон собирал коллекцию картин. И одну из них он купил у японца. Значит, японский шпион. Леона и Степана расстреляли как врагов народа и шпионов. Рубен и Серафим были сосланы. Они строили Беломорский канал.

При строительстве этого канала они и погибли. Нахичеван-

ские старожилы считали, что, уничтожая сыновей, новая власть изолированно мстила Чалхушьяну за его кадетское прошлое и якобы за связь с дашнаками.

У Григория Христофоровича Чалхушьяна были и дочери. Одна из них, Сусанна Мар, стала известным поэтом Серебряного века. В жизни ей повезло больше, чем ее отцу и братьям. Одаренной девушке удалось пережить и революцию 1917-го, и репрессии тридцатых годов. К сожалению, сейчас в нашем городе мало кто знает о ней (Сусанна Мар — это ее творческий псевдоним).

Надо отметить, что в советское время литературные критики старались не замечать творчество Сусанны Мар. Однако ее стихи, отличающиеся тонкостью чувств и изысканностью выражения, были помещены в антологию «Поэзия Серебряного века» (Москва, Эксмо, 2008) наряду с текстами других русских литераторов того времени.

Сусанна Мар была яркой, талантливой, неординарной и эмансипированной женщиной. Она смогла оставить свой яркий след в русской литературе.

Вторая дочь Григория Чалхушьяна, Изабелла, вышла замуж за экономиста из Нахичевани Григория Лукьяновича Хазагерова. Его отец имел фабрику «сухих и на масле приготавливаемых красок». Эта фабрика находилась на Базарной площади Нахичевани. У Григория Хазагерова и Изабеллы Чалхушьян в 1927 году родился сын Томас.

Томас Григорьевич Хазагеров стал профессором Ростовского государственного университета, известным исследователем лингвистики, филологом. Его племянник Георгий Георгиевич Хазагеров — тоже профессор Южного федерального университета. Георгий Георгиевич также занимается проблемами изучения языка, является известным ученым-филологом.

Как пишет В.В. Смирнов в книге «Нахичевань-на-Дону», Томас Григорьевич Хазагеров вырос в фамильном особняке на Большой Садовой. Только после национализации этого здания семья Хазагеровых-Чалхушьян занимала отдельные комнаты, которые им выделила новая

власть. Воспитывал внука Григорий Чалхушьян.

Он ласково называл его Томиком. В.В. Смирнов в книге «Нахичевань-на-Дону» приводит письмо Чалхушьяна своему внуку. Его содержание очень интересно и поучительно. Некоторые выдержки из этого письма я хотел бы процитировать: «Мой дорогой Томик! Я желаю тебе, чтобы ты был в жизни счастливым, а счастливым будешь, только когда изменишь свой характер. Характер у тебя тяжелый, неуступчивый. Ты должен взять себя в руки, познавать свои ошибки и не ошибаться. Каждый день, когда будешь просыпаться и вставать, ты размысли хорошенько, что ты должен делать в этот день.

Вечером, когда ты будешь ложиться, чтобы уснуть, ты должен отчитаться себе, что ты сделал в этот день худого. Относись к себе всегда строго, требуй все от себя, не вни других. Умный человек прежде всего должен винить себя за ошибки... Люби маму и папу не на словах и не поцелуями доказывай любовь, а только своим поведением... Дед сегодня жив, а завтра его не станет. Пусть эти строки останутся всегда в твоей памяти, все, что я тебе говорил, но «verba volant» (слова летят), говорили римляне, и ты моих слов не ловил, чтобы удерживать их в памяти... Целую тебя крепко, дедушка Гриша. 7 июля 1937 года».

Как я уже писал, Григорий Чалхушьян умер в 1939 году. Он не смог пережить расстрела любимых сыновей. Это письмом внуку стало своего рода завещанием. «Сегодня дед жив, а завтра его не станет». В те годы был пик репрессий. А семья Чалхушьян олицетворяла собой старый до-революционный мир Нахичевани. Признаюсь честно, меня до глубины души тронули строки, которые написал Чалхушьян своему внуку, будущему известному профессору Томасу Григорьевичу Хазагерову.

Ведь подобным образом воспитывали детей в интеллигентных семьях Нахичевани. Именно так старались воспитывать меня и мои родители. Но это уже другая история...

Материалы подготовил
Георгий БАГДЫКОВ